

***

Беспамятство, вези меня скорей
сквозь эту ночь, сквозь каменных зверей.
Я движусь не домой, а наугад
надуманной тоской о небылом,
шагаю сквозь себя, взмываю над.
Таким, как я, даруется облом
и всё, что причитается к нему,
но я надёжно падаю во тьму.
Там голос ветра раздражённо жёлт,
там никого никто не бережёт.
И только ловит за руку, когда
над головой смыкается беда.

***

Лес горящий взлетел,
не истлев едва.
Через тьму и метель
слышен лай зевак.
И над лесом стоит
колыбельный свет —

безымянный магнит –
не могу смотреть...
только стая волчат
не отводит взгляд,
да вороны молчат
и светло глядят...
как плывёт над рекой
хор деревьев, трав
весь дотла, но живой,
смертью смерть поправ.

***

Отклонясь от заданной орбиты,
ухожу в другую высоту –
мимо птиц, цветных и ядовитых,
через пыль седых архитектур,
в тёплый всхлип разбуженного снега,
в беспокойство пляшущих огней,
человек игрушечный из Lego,
я лечу туда, где потемней,
где другие ветры еженощно
над моей колдуют головой.
Память спит, но бодрствует о прошлом...

Если не вернусь, то что с того?

***

Рыбак сидит и смотрит никуда,
где окуни непойманные спят.
Река как будто больше не вода,
а память, обернувшаяся вспять.
Он смотрит, но не видит ничего –
ни солнечных стрекоз, ни поплавка.
И ветер дует вязкий, дождевой,
и горлица кричит издалека

над гладью обезболенных грехов.
Но смерть всё не приходит, не прихо...

***

Твоя печаль – моя печаль.
Прижму её к груди.
Всё то, о чём перемолчал,
теперь не бреди.
В заскобье, в бледном ободке
моих синичьих глаз
ты всё поймёшь о той тоске,
что сковывала нас.
И речь, невнятная, как гул,
Ушла в себя саму –
как будто целый лес шагнул
в дымящуюся тьму.

***

Пахнет бессонницей, ядом змеиным,
ночь над неспящей водой,
вязкой мозаикой хвои и глины,
снегом земли молодой.
Йодом и солью блестит незнакомо
призрачных рыб чешуя.
Ходит и нюхает запахи дома
зрячая память моя –
эхом дыхания ветхой страницы,
полуслепым мотыльком,
бронзовым внутренним голосом длится –
колоколом ни о ком.

***

Я хочу, как водомерка,
тоненькая вся,
ничего не исковеркать,

бережно скользя –
по пруду твоей тревоги,
утешенья для
буду бегать быстрого
и легко петлять.
Отвлечёшься – заглядишься...
Но пойдёшь за той,
чьё манящее затишье –
берег золотой.

***

Говорю, говорю в глухоту безответного эха,
молодая земля полноводно горит подо мной.
Мне хотелось отсюда надолго навечно уехать,
в недосказанность дня, в многословие боли ночной.
Где беспмятстве спит, притворившись
убитым медведем,
где забытое время несётся, как метеорит.
Хорошо бы уехать, но кто же тогда не уедет
и останется здесь, в глухоту говорить, говорить...